

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КЛИМОВ

ПСИХОЛОГ И ЧЕЛОВЕК
(1930—2014)

О Евгении Александровиче Климове, докторе психологических наук, профессоре психологии, академике Российской Академии Образования и ряда других академий¹, написано много статей, заметок, в которых он предстает, прежде всего, как выдающийся организатор психологической науки, президент Российского Психологического Общества (1994—2002), декан факультета психологии (1986—2000); заведующий кафедрой психологии труда и инженерной психологии (1983—2002), заведующий лабораторией психологии профессий и конфликтов (1992—2014) МГУ имени М.В. Ломоносова.

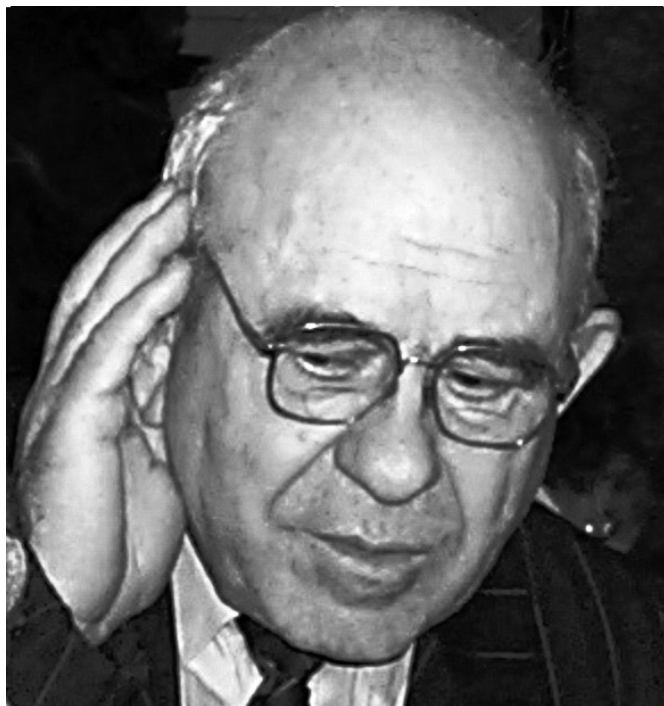
Евгений Александрович известен как ведущий специалист в области психологии труда, дифференциальной психологии, психологии личности, психологии профориентации, профессиональной педагогики, педагогической психологии, общей психологии и истории психологии; один из пионеров психологического изучения и формирования эффективного индивидуального стиля деятельности. Он сам и его ученики исследовали особенности профессионального сознания представителей разнотипных профессий (Климов Е.А., 1995б и др.), предложил классификацию профессий в интересах профориентации молодежи (Климов Е.А., 1971 и др.). Широко используется «Дифференциально-диагностический опросник» Е.А. Климова, помогающий выявлять профессиональные склонности подростков на основе сравнительной оценки знако-

мых и доступных каждому школьнику занятий (Климов Е.А., 1984).

Современным читателям известны методологические установки ученого, его просвещенный атеизм, неотделимый от мудрости и человеколюбия, глубокий интерес исследователя к отображению психической реальности в устном народном творчестве, памятниках культуры, творениях религиозных деятелей. Он был последовательным приверженцем системной методологии, в каждом его тексте можно обнаружить ее проявления (Климов Е.А. Идеи системного подхода в народном сознании, 1993).

Однако для молодых психологов важно было бы представить Евгения Александровича не только как ученого, но и как человека в особенностях его каждодневных форм общения с коллегами, студентами, привычек, в семейной атмосфере. Личность каждого человека формируется в детстве и юности. Евгений Александрович Климов родился в Вятских Полянах Кировской области. Мать Евгения Александровича — Пелагея Ивановна, родом из крестьян, растила двух детей (сына Евгения и дочь Лидию), занималась домашним хозяйством; отец, Климов Александр Петрович, был столяром, мастером по ремонту народных инструментов. Он передал сыну любовь к музыке: Евгений неплохо играл на баяне, духовых и струнных инструментах, и даже дирижировал школьным оркестром. От отца он приобрел умение мастерить что-то из дерева, строить дома,

¹ Климов Е.А. — действительный член Международной Академии Психологических наук (1993 г.), Международной Академии Акмеологических наук (1993 г.), Международной Академии Информатизации (1994 г.)

складывать печи. В свое время, получив дачный участок вместе с другими университетскими работниками, Евгений Александрович сам построил дачный домик, сложил печь и не только в своем доме. Знающие люди рассказывали, что немало расстроилось дачников, узнав, что Евгений Александрович — занятый человек, академик, декан факультета и потому, конечно, не возьмется складывать для них печь. Видимо, от отца же зародилась у Евгения любовь к машинам, ему доставляло удовольствие возиться с ними, ремонтировать и осваивать новые механизмы, аппараты. Во время войны с фашистами Евгений Климов, будучи школьником, работал слесарем на Вятско-Полянском заводе № 367 «Молот», где в то время изготавливали винтовки и другое вооружение. Мальчишки старались выполнять норму, о достойной работе Евгения Климова была опубликована заметка в заводской многотиражной газете. Повзрослев, Евгений Александрович лихо управлял мотоциклом, автомобилем. Маленький «Запорожец» нагружался с верхом и семья (Евгений Александрович с супругой Ниной Васильевной, преподавателем немецкого языка в школе, и двумя сыновьями, Сергеем и Александром) — совершала летние марш-броски к Черному

мору. Евгений Александрович поразил преподавателей и студентов факультета психологии Московского университета, когда на свою лекцию по психологии труда принес портативный сварочный аппарат и предложил студентам понаблюдать за действиями сварщика, выделить и проанализировать его действия, особенности сознательной регуляции деятельности сварщика. Ему важно было продемонстрировать слушателям, что в каждом виде труда есть свои секреты, недоступные наблюдателю, что необходимо уважительно относиться к любому труду, и его субъекту, в том случае, если это настоящий труд, и его продукт имеет социальную ценность.

Как Евгений Александрович Климов стал психологом? По его рассказам первые сведения о психологии он получил в старших классах школы от своего классного руководителя — Э.И. Хейфец, преподававшей немецкий язык. Она была талантливым педагогом и сумела привить своим ученикам интерес к немецкому языку, уважение к культуре народа Германии и это в годы войны с немцами! Благодаря Э.И. Хейфец школьники различали немецкий народ, немецкую культуру и фашизм, дети разучивали немецкие песни, учили наизусть кусочки немецких текстов, даже грамматику учили по-немецки. В результате Женя Климов смог прочитать «Страдания молодого Вертера» И. Гёте в оригинале. Интересно отметить, что Э.И. Хейфец, эвакуированная из блокадного Ленинграда, где она училась в педагогическом институте у В.С. Мерлина, хорошо запомнила его задания, которые он предлагал студентам, состоящие в разработке психологической характеристики учеников. Но, как рассказывал Евгений Александрович, интерес к психологической науке возник у него на уроках литературы, так из биографии В. Маяковского он узнал, что будущий поэт сдавал в гимназии экзамены по психологии; такого предмета в советских школах 40-х годов не было и название предмета звучало загадочно-захватывающе. В книжном магазине Е. Климов обнаружил учебник Б.М. Теплова, с интересом его прочитал. Позже

в газете узнал, что среди специальностей Казанского университета есть специальность со словом психология. Он выбрал это направление и в 1953 г. успешно окончил отделение русского языка, логики и психологии историко-филологического факультета. Учился Евгений с удовольствием, выработалась любовь к написанию текстов. Углубленная историческая подготовка сказалась в московский период его творчества (вторая половина 80-х гг. — начало 90-х гг.) когда он руководил исследованиями в области истории отечественной прикладной психологии, психологии труда.

Библиотека КГУ была в те годы прекрасно укомплектована, ибо получала обязательный экземпляр всех изданий в стране. Однако книг по психологии было недостаточно. Как вспоминал Евгений Александрович, студенческая группа по очереди читала единственный экземпляр довоенного издания книги А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики». И все же книги составляли основу профессионального образования психологов, так как специалистов-психологов было крайне мало. Учились студенты на образцах психологической классики в области сбора и анализа эмпирических данных осваивали культуру ведения протоколов наблюдения за детьми по исследованиям М.Я. Басова и Г.А. Розенгардт-Пупко; наблюдали за животными по образцам работ Н.Ю. Войтониса, Я.Я. Рогинского, Н.Н. Ладыгиной-Котс; знакомились с приборами, доставшимися в наследство от лаборатории экспериментальной психологии В.М. Бехтерева, изобретали и свои собственные экспериментальные установки. Одна из таких установок, смонтированная студентом Е. Климовым, была положительно оценена профессором В.Н. Мясищевым, приехавшим в КГУ читать лекции.

Особое влияние на профессиональное становление Е. Климова, как психолога, оказал профессор Вольф Соломонович Мерлин. Трепетное благодарное отношение к учителю проявилось в предисловии, написанном Евгением Александровичем к книге В.С. Мер-

лина «Очерк интегрального исследования индивидуальности».

Курсовые работы студента Е. Климова, выполнялись под руководством В.С. Мерлина и касались разных отраслей психологии: на 1 курсе — зоопсихологии, на 2-м — детской психологии; на 3-м — патопсихологии и психологии труда. В последнем случае речь шла о психологических аспектах трудотерапии душевнобольных. Исследование проводилось на базе Казанской психоневрологической клиники, задача студента состояла в сравнении психического состояния и проявлений бреда у больного с травматической эпилепсией в больничной палате и вовремя занятий трудом в мастерских. Евгений Александрович рассказывал, что его поразила эта разница: в палате больной обнаруживал признаки неподдельного страха, накрывался с головой одеялом, ни с кем не общался, судить о состоянии его сознания по речевым высказываниям было невозможно, он не был доступен для беседы. Но, тот же больной преобладался, очутившись в трудовых мастерских и занимаясь трудовой деятельностью, связанной с операциями картонажного производства: больной подробно описывал свое заболевание, припоминал тексты из книг А.Р. Лурия, в которых были представлены сходные случаи, ободрял студента, то есть вел себя как почти здоровый человек, критически относясь к своему заболеванию. Возможно, этот опыт демонстрации влияния включенности человека в трудовую деятельность на состояние его сознания, сыграл свою роль в выборе направления будущей специализации ученого в психологической науке. По предложению В.С. Мерлина, Е. Климов прослушал курс психиатрии в Казанском медицинском институте, который читался профессором М.П. Андреевым (отцом Г.М. Андреевой, организовавшей кафедру социальной психологии в МГУ). Молодые годы Галины Михайловны и Евгения Александровича были связаны с Казанью и в 2010-е годы после заседания Совета факультета психологии МГУ Евгений Александрович и Галина Михайловна

нередко дружно, под ручку шли к ближайшей станции метро².

Курсовая работа на 4 курсе и дипломная работа выполнялись под руководством В.С. Мерлина на базе Казанского льнокомбината. Предварительная тема исследований касалась передачи передового опыта ткачихами; постепенно эта тема трансформировалась в изучение индивидуального стиля деятельности ткачих-многостаночниц, обладающих разными типологическими свойствами нервной системы. Тем самым, опровергалось предположение о том, что лучшие способы, приемы работы обладают уникальными чертами. Напротив, оказалось, что высокие результаты труда могут быть достигнуты принципиально разными приемами, стратегиями поведения, творчески найденными ткачихами, обладавшими разными типологическими свойствами нервной системы. Дипломная работа Е. Климова защищалась на выездном заседании кафедры педагогики и психологии, и это событие получило отражение в областной газете.

После окончания университета, Е.А. Климов работал на кафедре педагогики и психологии КГУ, одновременно преподавал логику и психологию в школе № 1. В 1959 г. Е.А. Климов защитил кандидатскую диссертацию, продолжив свою дипломную работу, руководил Казанским филиалом лаборатории профессиональной педагогики Центрального учебно-методического кабинета профтехучилищ. Евгений Александрович неизменно с благодарностью вспоминал поддержку А.Н. Леонтьева и Н.Ф. Талызиной; он рассказывал, как приезжал в Москву на лекции — методические демонстрации Н.Ф. Талызиной, наблюдал за тем, как она успешно формировала у самого отстающего в математике школьника геометрические понятия, опираясь на учение П.Я. Гальперина. Отдавая должное высокой продуктивности программ и методов обуче-

ния, построенных на теоретических взглядах П.Я. Гальперина, Евгений Александрович не соглашался с категорической оценкой Петра Яковлевича, сводившего индивидуально-психологические различия людей, по сути, исключительно к результатам обучения и воспитания. На эти темы Е.А. Климов и П.Я. Гальперин нередко дискутировали, но эти дискуссии никогда не превращались в споры на основе личной неприязни.

В 1969 г. по проблеме исследования индивидуального стиля деятельности была защищена и докторская диссертация в диссертационном совете ЛГУ. Став доктором наук, Е.А. Климов получил предложение возглавить отдел психологии труда во ВНИИ профтехобразования Ленинграда. Началась полоса его творчества, захватившая вторую половину жизни, и связанная с исследованиями в области психологического профессиообразования, профориентации и профконсультации, психологии труда. В составе руководства институтом был отставной военный, с которым у Евгения Александровича образовались непростые отношения. Е.А. Климов рассказывал о тяготивших его формальных требованиях руководителей к психологам, о необходимости присутствия сотрудников на рабочем месте, отсутствии понимания руководителями того, что наука производится и за стенами ВНИИ, во время консультации школьников, в публичной библиотеке. Евгению Александровичу была по душе работа по сбору сведений для профориентационных описаний, необходимых в профессиональном самоопределении школьников: он и сам брал интервью у профессионалов и редактировал тексты, подготовленные коллегами. Так под его редакцией было опубликовано 9 выпусков сборников «Человек и профессия», составленных в помощь профориентации старшеклассников как иллюстративный материал, состоящий из описаний профессий, упоря-

² Судьба обоих выдающихся ученых оборвалась в один день, оба ушли из жизни 31 мая 2014 года.

доченных на основе его типологии. В начале 80-х годов Евгений Александрович организовал для студентов кафедры психологии труда и инженерной психологии Московского университета спецпрактикум по психологическому изучению профессий в целях профориентации. Каждый студент получил направление в свое профтехучилище, студенты-психологи побывали и на местах будущей работы выпускников, в итоге была разработана серия ярких психологических описаний труда ткача, сборщика часов, скорняка и т.п. Евгений Александрович с интересом слушал сообщения студентов, искренне восхищался их находкам, маленьким открытиям. Так, например, Алла Кузнецова обнаружила, что опытный скорняк в процессе оценки качества меховой шкурки смотрит в сторону. В ответ на ее вопрос, почему мастер отводит взгляд от меха, последовал ответ: «чтобы лучше почувствовать его качество руками». Студенты «таяли» от похвал опытного психолога и благодаря таким переживаниям у многих из них формировалось серьезное отношение к выбранной профессии, отрасли психологической науки.

Интерес к психологии и психологам, как делу всей сознательной жизни, проявлялся у Евгения Александровича и на заседаниях диссертационного совета при МГУ, которым он руководил до последних дней жизни. В любой работе, принятой советом к защите, он умел найти полезное новое научное знание, высоко ценил творческий вклад соискателя, честное отношение к научным фактам, пронизательно и оперативно находил главную ценность диссертационной работы. Он часто повторял коллегам, что критика должна сочетаться с конструктивным подходом, не быть критикой ради критики.

Евгений Александрович не любил склок, злых дискуссий, участники которых радели не столько о деле, сколько о своем статусе; в любой организации такие конфликтные ситуации — не редкость. В первые годы работы Евгения Александровича в Московском университете,

куда он был приглашен деканом факультета психологии А.А. Бодалевым, он не раз оказывался объектом недружественных высказываний и поступков. В ответ на вопрос, как ему удастся сохранить душевное равновесие, Е.А. Климов ответил: «У меня есть хитрое средство, чтобы чувствовать себя превосходно (здесь, в МГУ) — я не жду ничего хорошего. И поэтому все, что бы ни происходило, превосходит мои ожидания ...». В другой раз, объясняя свое многотерпение в ответ на демонстрацию конфликтного поведения, Евгений Александрович вспомнил рассказ отца, запомнившийся ему надолго. Семья держала корову, и для ее прокорма требовалось заготавливать сено. Вот однажды отец заметил, что сосед ворует его сено, таскает понемногу, не сразу все. Можно было объявить «войну», но отец сдержался и не подал виду, ибо «худой мир лучше ссоры», с соседом предстояло жить дальше «бок о бок». Из родительской семьи вынес Евгений Александрович моральные нормы, стремление быть полезным своему народу, скромность человека, пытавшегося делом доказать свою полезность людям, а не «глаголами»

ем», самовосхвалением, декларациями, — это все было абсолютно не свойственно Е.А. Климову.

И ленинградские и московские коллеги Евгения Александровича вспоминают его действительную помощь, когда он делился проверенными лекарствами, приносил пузырьки со спиртовой настойкой прополиса для лечения простудных заболеваний детей сотрудниц. Когда Елена Юрьевна Артемьева тяжело болевшая, лишилась ног и оказалась прикована к инвалидной коляске, Евгений Александрович приехал к ней домой и оборудовал специальные поручни, помогавшие пользоваться туалетом, ванной. Когда случилась беда с А.В. Брушлинским³, Евгений Александрович отдал его вдове денежную премию, полученную в 2002 г. по решению Президиума РАН за серию работ по тематике «Системно-генетические исследования профессиональной деятельности», чтобы как-то ее поддержать в трагической ситуации.

Во вступительном слове при открытии Всесоюзной студенческой конференции «Роль психолога в изменяющемся обществе» (1989), проходившей в эпоху горбачевской перестройки, когда критика и самокритика достигли вершин в нашем обществе, в самый канун распада СССР, — Е.А. Климов призывал молодежную аудиторию: «... включить на всю мощь саморегуляцию, отстроиться от сладостных, по-видимому, переживаний ругания всех и вся, и сконцентрировать свое сознание на предметах, методах и результатах нашего профессионального труда». Он предложил «высокий градус» дискуссии, обозначив три принципа:

— *«принцип центрации на профессиональном предмете, а не на партнерах по обсуждению, их личных качествах, возможностях и ограничениях;*
— *принцип трех позитивных вкладов в ходе дискуссии:*

а) выделить то ценное, что внес партнер по дискуссии;

б) обозначить, представить то ценное, что вносите Вы (дополнительно к тому, что внес партнер, или на тот случай, когда партнер ничего не внес), — это вариант «критики делом»;

в) внести позитивный вклад хотя бы в общественное настроение участников дискуссии;

— *принцип борьбы за истину, а не за “мое мнение”»* (Климов Е.А. К молодежи, посвятившей себя психологии, 1989).

Евгений Александрович философски относился к проявлениям разных мнений, противоречивых оценок. Он говорил: «Хочешь иметь развитие, — люби противоречия», но подчеркивал, что важно научиться их конструктивно преодолевать, а для этого полезно содействовать профессиональным культурам. Евгений Александрович предлагал ценить «культ достоверного знания», «культ корректности методов», «культ равноценности разных профессиональных функций и разных трудовых постов психологов-профессионалов», «культ профессионального братства, солидарности», «культ концептуального “многобожия”», «культ *концептократии*». При этом имелось в виду, что в психологической науке «должны властвовать не люди, а продуктивные идеи, понятия, концепции».

Евгений Александрович советовал студентам выработать индивидуальный способ сбора полезной профессиональной информации, обзавестись «личной внешней памятью», не применять легких способов, типа компьютера, но помнить, что только знание, пропущенное через собственный разум, индивидуальное сознание, усваивается, становится «твоим». Так, например, еще в молодые годы он сделал выписку из «Трех мушкетеров» А. Дюма о том, как Портос подбирал Д'Артаньяну слугу — это своеобразная ситуация профотбора, — а пригодилась эта выписка через много лет — в качестве эпиграфа к одной из глав книги про индивидуальный стиль деятельности.

³ А.В. Брушлинский погиб в результате нападения бандитов в 2002 г.

Когда Евгения Александровича спрашивали о том, ставил ли он себе цели в жизни и вообще, как он продвигался по карьерной лестнице, что помогало, — он отвечал неизменно, что социальная оценка, привилегии, новые статусные позиции — никогда не были специальной целью его жизни. Он всегда руководствовался другой максимой: «Дело надо делать изо всех сил (не обязательно физических, но и душевных) и делать хорошо (любое полезное дело), остальное приложится — подклеиваешь ли странички изорванной книги, вычесываешь ли кота, собираешь ли материал по теме курсовой работы или оказываешь кому-то практическую “душевную помощь”, пишешь ли статью, книгу».

Каковы были политические взгляды, мировоззрение Евгения Александровича? Он был благодарен советской власти за свое образование, возможность заниматься любимой наукой, нередко приговаривал: «Я — социалистического “разлива”». Он придерживался осторожной оценки И. Сталина и его роли в истории страны, обязательно указывал не только темные стороны сталинской эпохи, но и позитивные достижения общества. Вспоминая годы своей молодости (конец 40-х — начало 50-х гг.), он рассказывал, как бесследно пропадали студенты-сокурсники после неуместно заданного вопроса лектору на занятиях по марксистско-ленинской философии или научному коммунизму. Возможно, еще в те годы у него сформировалась привычка предвосхищать впечатления разных людей — потенциальных читателей его текстов, слушателей его лекций. Свои публичные выступления Евгений Александрович тщательно готовил.

Парадокс — Евгений Александрович вырос в условиях тоталитарного режима, но сам проповедовал и внедрял принципы демократии, свободомыслия, свободы научного поиска, поддерживал авторов новых подходов, методов. Ему

удалось завоевать доверие сотрудников факультета психологии Московского университета поддержкой молодых дарований, внимательным чтением всех диссертаций, подготовленных в стенах факультета психологии, всех сколь угодно заметных научных публикаций коллег и аспирантов. Уважение личности каждого ученого, преподавателя, оценка вклада, достижений, отображавшая не просто личное мнение, но содержание научных идей, обстоятельно представлены в его статье «Штрихи к лику факультета психологии МГУ (Климов Е.А., 1990).

В 2006 г. Евгений Александрович потерял супругу, она долго болела после того как на автобусной остановке ее сбила машина; эта потеря дорогого человека тяжело переживалась, и даже коллеги Евгения Александровича чувствовали утрату главного источника его энергии и жизнелюбия.

Если попытаться выделить общее из многочисленных высказываний психологов, знавших Евгения Александровича в качестве президента Российского Психологического Общества, декана, заведующего кафедрой, руководителя научного подразделения, то таким общим радикалом будут, скорее всего, высокие морально-нравственные начала его личности, уважение человеческого достоинства собеседника, не зависимо от его статуса, возраста, пола; ожидание от нового человека, с которым его сводила жизнь, в первую очередь, лучших человеческих качеств. Вот эти непоказные, но подлинные жизненные ценности были, вероятно, основой доверия к нему студентов и зрелых профессионалов, и эти этические заветы представлены в большинстве его научных публикаций, которые, будем надеяться, послужат еще многим поколениям отечественных психологов.

*А.Б. Леонова,
О.Г. Носкова*